

Светлана Михеева



Яблоко-тишина

Светлана Михеева

Яблоко-тишина

Москва

«Воймега»

2015

УДК 821.161.1-1 Михеева
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
М69

Художник серии: Сергей Труханов

С. Михеева

М69 Яблоко-тишина. — М.: Воймега, 2015. — 76 с.

ISBN 978-5-7640-0170-8

Книга издана при поддержке Министерства культуры РФ и Союза российских писателей. Автор также благодарит за помощь ЗАО «Иркутский биллинговый центр».

© С. Михеева, текст, 2015
© С. Труханов, оформление, 2015
© «Воймега», 2015

Двойные стихи

* * *

Ничей не ученик, ничья не ученица,
Своим крылом владеющая птица
Над головой моей выходит на простор,
К изгибам и вершинам тёмных гор.

И ты за ней лети, обученное слово,
Внимательней гляди на воду тишины,
На камни, что спокойны и умны,
На душные зонты болиголова.
Материя листвы до ниточки мокра,
Исполнил дождь прелюдию добра.

Лощины смотрят вверх, лишённые событий,
Лишь плющ прядёт свои застенчивые нити.
Здесь прячутся похожие на сны
Истории огромной глубины.

Появление

двое баюкают друг друга
в петельках замочных скважин

1

Не бежать от него, а принять.
Наше одиночество похоже на дождь
Во время свидания.

Отяжеляет вода —
И становится тело телом,
Грубой головоломкой.

О нотные линейки сосен
Бьётся солнце.

На что способна
Эта музыка перед смертью! —

Она способна звать.

Это труба.
В ней содержится дым тепла,
Дым ангельского голоса,
Соединяющее дыхание.

Вдохни.

Это камыш.
В нём содержится
Ночная вода мира,
Призывающая своих птиц.

Это крошечный дом,
В нём содержится два человека.

Три человека. Третий
Гудит, словно ветер,
И пускает круги по воде.

Третий
Появится как бы нечаянно и потом,
Нежный кузнечик с оранжевым животом.
Сверкает коленками под деревом одноногим.
У третьего должны быть двое,
Чтобы он
Не чувствовал себя одиноким.
Итак, одиноким...

2

Есть только один способ
Избежать друг друга:
Выйти из комнаты

Во тьму волнующую,
Во тьму, похожую на поле
В сентябре.
Во тьму, которая читает тебя ночами,
Вычисляет тебя, будто формулу.
Чего она в тебе вычисляет?

И ты к ней
Прижимаешься.
Она видит в тебе своего младенца,
Свою математику,
Свою песню.
Она смотрит и смеётся, смеётся...

Никогда, говорит,
Ни один человек
Не сумел избежать моей любви,
Которая называется одиночество.

Только ребёнок, пока в нём двое
Присутствуют,
Может быть свободным,
Идти куда вздумается.
Его одиночество вырастет
Вместе с ним.

Ну да...

Флейта из берцовой кости

1

Подожди, пока музыка умрёт,
И ты сможешь стать великим.
Подожди, пока музыка умрёт.

Флейта устала, и вот она — человек.
Кажется ей: вот она человек,
И нога его скрипит, поют суставы.
Флейте кажется — вот она человек.

Но это заблуждение инструмента —
Способность притворяться душой.
Умные голоса,
Исходящие из чрева его, пусты,
Как голодные червячки,
Голодный червяк — это просто трубочка.

Сквозняки бродят дырочками флейт,
Так Господь дышит в меня.
В чём есть смысл дыхания, которое
Счастливо помещается, гнездится,
Выводит птенцов?
В чём смысл дыхания, которое
Не покидает тебя никогда?
И прекрасные звуки слетают с небес
На зов человека.

Как разделить себя,
Чтобы бесконечность стала моим именем?

«Подожди, пока музыка умрёт», —
Говорит мне ветер.
Он трогает волосы. И я надеюсь,
Что это Ты.
Он выдувает из огромной трубы
Небесные огни,
Для которых мы — всего лишь
Дрожащие от дыхания флейты,
Мечтающие о величии.

2

Крови самóй бросил смертельный вызов
Невидимый костровой.
Вся женщина закрыта платьем,
Как лес закрыт листво́й.

Всё омыто пожаром, цветёт в огне.
Вырастает звук:
Чем горячей, тем слышнее поют в тишине
Косточки ног и рук.

Песню одну выдыхает плоть.
(Если бы я могла сказать, как мне не хватает твой доброты!)
Тем внимательней смотрит Господь
На листья и на цветы.

В поющие двери между воздухом и листво́й
Входит наоборот.
Жди, входящий, пока живой,
Жди, пока музыка умрёт.

Жди, жди. По закону войны
Здесь бережёт тропа

Дивные ноги тишины
С прозрачными икрами,
С коленями, похожими на
Детские черепа.

Дом

1

Женщина моет стаканы в ручье,
Болиголовы скрипят.
Женщина моет стаканы в ручье,
Болиголовы скрипят.
Хнычут вьюнки над прохладной водой
В белой как снег чешуе.
Тихо черёмуха мёрзнет, дрожит
В полупрозрачном белье.

Рядом строения тихий обвал:
Рухлядь, и мор, и капут,
Словно его целовал, целовал
Злобный какой лилипут.
Где он скрывается, старый дурак,
Прячется в крайней злобе?
Дом тосковал, тосковал, тосковал,
Плакал о прежней тебе.

Если хотел бы — позвал бы, а так
Проще без грусти стареть.
Если хотел бы, позвал бы. А так —
Проще без грусти стареть.
Болиголовы скрипят и скрипят:
Вот бы ей память стереть.
Болиголовы скрипят и скрипят:
Вот бы ей память стереть.

Прочие травы кивают: ну да.
Вторит ручей, костяная вода,
Пьяная грубая лесь:
Поторопись-ка старушка давай,
Чашки свои полощи, не зевай,
Лавка закроется в шесть.
Рухлядь доскою последней дрожит
Средь кружевных купырей:
Ну-ка, подруга, давай поспешай —
И возвращайся скорей.

Весь этот сброд и нудит, и нудит
Подлюю песню свою.
Солнце фарфоровой мордой глядит:
Кто она? Не узнаю.
Кто она, в юбке осенней воды,
В куртке фальшивой шанель?
Знаешь ли ты, разговорчивый хмель?
Знаешь ли, маленький шмель?

Фея черёмухи, нимфа ручья,
Женщина прежняя, больше ничья,
Общее место, тоска.
Хмель завивается слабым дымком,
Шмель под опавшим гудит потолком,
Трогает грудь лепестка.
Грядки заросшие лаком сопят.
В тень убежали грибы.
Скрипочки-ставни скрипят и скрипят
Длинную песню судьбы.
Вторит хозяйка, присев на кровать:
Вышить охота, поесть,
Нужно скорей до шести успевать,
Лавка закроется в шесть.

2

Беспечальная развалина,
Весело гниёт дом на пригорке.

Звенит проволокой, подковой,
Шуршит газетами и рубероидом,
Говорит: я, брат, думаю,
Что в моих брёвнах живёт что-то эдакое...
Оставайся, расскажу тебе всё, что помню,
Отдам всё, что храню.

Заросли лебеды
С жемчугами на крылышках
Качаются в комнатах.

Хнычут вьюнки, взбираясь по брёвнам:
Высоко! Упадём!
Яма подвала смеётся над ними.

Бесстрашно пронзительный свет
Открывает углы.

Позавчера привозили старуху.

Ветер хлопнул единственной ставней,
Посеребрил лебедой.
Так старуха и дом попрощались.

Август выпустил разноголосых кузнечиков.

Говорят, нет ничего опасней,
Чем слышать голос погибающего дома.
Это как пенье сирены,
Иную память возвращающее нам.

Память прежнего общего милого дома,
Память счастья за серой пеленой будущего,
Которую мы не в силах поднять.

Ливень

1

Вода волдырями пошла в котле.
Вода оступилась, считая ступени.
Вода оглянулась и прочь поплыла.
Вода прилетела на помеле.
Вода расходилась, подобно мигрени.
Вода как невеста сюда прибыла.

Точная копия грубого тела
Втиснута в узкий автомобиль.
Жабрами окон цедили дома
Ужас влеченья. От бешенства белый,
Тополь, а может быть, Иггдрасиль
Плакал: стихия сходила с ума.

Где этим рекам возможны начала?
Воды уходят к себе в глубину.
Не представляя последствий потопа,
Ты, как подушка, премного впитала:
Мокрые травы, людей, тишину,

Тени, ползущие вверх по растениям,
Точные копии дивных страстей,
Влажного сложного нежного слова
Страшные буквы среди опустенья
Без исключения всех полостей.

Горстью кровати в зародыш сформован,
Спящий, в плену изначальной воды,

Отдал что было. В её состоянье
Этого мало. Подвижного слова,
Будто вода сохраняет плоды,
Также — избытка, владенья, сиянья,
Также — объятий живые следы.

2

Прохожий,
Я читал вас как рукопись,
Измученную водой,
Превращённую дождём — в дождь,
Текущую, исполненную одного смысла:
Когда закрываешь глаза в августе
И слышишь запах и звук,
Дождь, дождь, дождь,
Кузнечики, числа.

Чудеса нумерации: в лабиринте и по прямой
Адреса нужного не отыщешь.
Окообразны капли, свешиваются,
Заглядывают в глаза:
Они видят тебя насквозь,
Склеиваются в океаны, разбегаются врозь,
Несутся, с палуб смывая остатки вина и пищи.

Когда стоишь, бессильный войти
Куда бы то ни было, когда пароходы не плавают
И самолёты не воют тебе и не мигают очами,
Водитель такси восторженным водолазом
Смотрит на рыбу в радужных плёнках
В родной среде,
Ты обитаешь в ягоде-капле, нигде-нигде,
Плаваешь с горбачами и сивучами.

Не выходишь на стук
И не имеешь людского смысла.
Тогда закрываешь глаза в августе
И слышишь запах и звук:
Дождь, дождь, дождь.
И кузнечики.
И, на исходе,
Числа.

Кто там?

1

Там ни человека.

Только творенья твои,
Уроды с босыми лицами,
Дети ленивой смерти.

Тут я. Не смей отвергать
Всё живое во мне, что тебе неудобно.
Тут я стучусь у ворот. Кто мне откроет?

2

Среди простых неотвратимых знаков
Неотвратимей — стук ветлы в окно.
Опознаваем. Тёмен. Одинаков.
Входи, тебе войти разрешено.

Кусок стены бледнеет, точно дама,
Что в парке ночью смотрит свысока,
И возится среди пустого хлама
Чужой божок родного адреска.

Здесь даже общий сумрак живописен.
И что в нём есть? Чего в нём точно нет?
В нём нет разрывов и дурацких писем.
Но теплится нечаянный привет.

Фасад ошупав, как рука слепого,
Взасос целует окна темнота,
И ты летишь, и ты возможен снова,
Весёлый лист прозрачного куста.

Загадка

1

Не могу найти себя в зеркале,
Вижу лишь отдельные части,
Присущие моему телу.

С голубой обритой головой
Стоит человек. Он видит меня.
И я прошу: помоги!

Сколько лет он смотрит на меня в зеркало,
Сколько лет он видит то паука, то ящерицу,
То лист, взволнованный погибанием,
То прах сухой, сочащийся из урны.

Он говорит: ты ящерица, ты прах,
Ты змея, ты астра —
Кладбищенский цветок в руках первоклассника.
Ты — земля смерти.
А!.. Вот и сама идёт. Исчисли себя,
А когда она приблизится, ты дашь ей в помощь цифру.
Это будет пять.

2

Время качает своих подлецов
В люлочке страха скрипучей.
Неузнаваемо наше лицо
В сумраке неблагозвучий.

Если всерьёз тишиной овладеть,
Образ жестокость утратит.
Кто-то свободен его разглядеть.
Ну, поглядели — и хватит.

Ты узнаёшь меня? Я узнаю.
Я за твоею спиною стою.
Кто я? Не знаю, не знаю.
Что же ты видишь? Большую волну,
С радостью в ней погибаю.

Что же ты слышишь в глухой тишине,
В той, что со смертью идёт наравне?..

Лестница, освещаемая солнцем

1

Позвонки, из которых состоит лестница,
Клавиши, из которых состоит лестница,
Бубенцы, из которых состоит лестница,
Знаки, из которых состоит лестница,
Не заглушают дыхания наших шагов.

«Но кто же тот техник, что когда-нибудь
Постигнет её механизм?»¹

Яркость наша не свечение, а огонь.
Яркость наша не свечение, а огонь.
В яркости нашей нет света, а есть пламя:
Поэзия побеждает красоту
Маленькими разноцветными обманами.

Распахнулись облака. Вот: глаза распахнулись широко.
Всё мы видим, всю правду: и кто шагает по лестнице, звеня,
И кто под лестницей ждёт терпеливо.
Так и любая строка: всё звенящее в ней — красота, река,
А за нею — леса и горы, дебри и пустоши и облака
Переваливаются лениво...

¹ См.: *Рене Кревель. Дух против разума.*

2

Дар божественной пчелы,
Мёд, разлитый в полдень всюду,
Переполивший посуду.

Им залито всё кругом,
И жужжат, как будто пчёлы,
Тело, лестница и дом.

В целом доме — никого.
Мёд в расщелинах томится.
Может, диким пчёлам снится
Вкус задумчивый его.

Добродетель

1

«Сухие рыбы и шмели» —
Абсолютно всё равно, с чего начинать,
Первой строчкой может быть любая,
Которую воздух прошепелявил возле твоего уха,
Которая подсмотрена кем-то внутри тебя,
Не таким красивым, не таким приятным,
Но очень честным. Ты надеешься:
Очень честным!

Потому что твоё бесчестье не за горами.
Ибо бесчестье поэзии начинается с привычки.
Ибо любое бесчестье — это и сладость тоже,
Сладость, которую живому телу
Полагается познать.
Ибо не станет живое живым иначе.
Ибо добродетель, как контрибуция,
Даётся после выигранной войны.

И сколько бы раз мы ни вступали в войну,
Как дети, всегда начинаем сначала:
Руки наши не умеют держать оружия,
А сердце сомневается в необходимости этой войны.

Чем же пожертвуем мы? — Жизнью, конечно.
Что приобретём? — Честь, конечно,
Руины возможного слова...

От чего свободен свободный стих?
От того, что мальчик больной притих,
Мается, бедолага, грызёт чеснок,
Тёмное, тёмное трётся у слабых ног.

Это печаль, говорит ему мама, это болезнь,
Это отчаянье, средневековый лес.
Не о чем думать, малютка: из мёртвых глин
Люди давно придумали
Делать пенициллин.

Ну, не грусти! И плавала
Бешеная пчела.
Плавала, плавала,
Сердце насквозь прожгла.

— Верное сердце, где же твой господин?
— Трётся, как парусник, в пальцах у мёртвых льдин.
— Значит, свободы ему не видать вовек?
— Так уж устроен, Господи, человек.
Разве ты сам не знаешь, что это так?
— Знаю, конечно. Но, доктор, какой пустяк!..

Мальчик, ты бредишь, мама ему говорит.
Это не круглый ад, это лес горит.
Это сердце моё горит, сын говорит,
Это сердце моё в последнем огне горит...

Бог

1

Бог погасил фонари вокруг нас
И оставил наедине с дорогой.
Он попытался скрыться,
Принимая облик феи,
Но неловкий полёт
Выдал его.

Зелёное сердце светофора забилось
И осветило колеблющийся воздух.
Мы смотрели, как мир
Расправился и задышал,
Лишённый слов.

Опыты цвета — то жаркий, то сладкий —
Приучили нас ничего не принимать на веру.
Буквы приучили нас,
Как собак,
По команде подавать голос
И делать стойку.

Днём мы строимся в ледящем порядке,
Готовые с боем вырвать кусок славы.
Хотя она уже ничего не стоит,
Хотя она — как избыточный вес,
Хотя на неё нет спроса.

Когда замолкают дневные
Голоса тишины,
Когда чудовища умиротворяются
И засыпают в подушечках наших пальцев,
Можно оставить в прихожей пальто
И выйти к свободе.

Бог погасит фонари вокруг нас
И оставит наедине с дорогой.
Он попытается скрыться,
Принимая облик феи,
Но неловкий полёт
Выдаст его.

2

Нет никакой травы.
Иссохший полустанок
Дрожит. Неровный свет реальности слоит.
Возможный грустный бог над тысячью изнанок
В прозрачности лесов передо мной стоит.

Предпринял нервный лес своё самосожжение.
Меж облаков висит сверкающая тень.
Зловещим пустыком, зациквившим движение,
Над речкой крутится замедленный слепень.

Лысеют островки и холодеют дачи.
Что делать мне теперь среди таких руин?
Навстречу движется, дождём лохматым скачет
Отряд кочующих осенних сарацин.

Ласкает лёгкий шум баталию немую.
Ложится дрожь на косточки крылец.
Бежит не рассуждая, напрямую
Нежнейший дождь, испуганный беглец,

К слепому поезду, который громко мчится.
И просится влететь, в окно стучась моё.
Снаружи кровь небес усталая ложится
На сопок
Госпитальное
Бельё.

Корабль мертвецов

1

Я вышел на стук, вызывающий меня
Торжественно и упорно,
Хотя было за полночь.

Светились во тьме берега
Телевизора, похожего на крошку
Великанского пирога.
Дети спали.

Трещала дверь. Кто-то снаружи
Был в отчаянье, похоже.
Холодно ли? Обещали,
Чем ближе подходит вода, тем прохладнее,
В эту ночь она будет предельно близко:
Дёргает ивы, ругается, скандалистка,
Отвечает, про что ни спроси:
«Какие мужчины? Одни бокастые,
Глуповатые караси,
Наглые морды». Н-да...

Всё поперёк — испорченная вода.
Тёмные полосы
Её когтей —
Широкоплечее кладбище
Заполнено на пять четвертей.

Но семена тишины
Содержат внутри движение,
Чтобы мы знали, каково
Наше печальное положение.

Если детей разбудить, не заснут,
Напросятся ехать
Со взрослыми.

Ветер, будто само мироздание
Бросило вызов,
Сипит: «Какие женщины?
Тени своих капризов,
Тощие суки.
Они всегда так: с пустыми глазами,
В руках — ничего. Может быть,
Шарфик какой пустяковый».
— Готовы?

— И что теперь?
Вокруг.
Вокруг.
Вокруг.
Живое — слишком условная часть смерти.
Они молчат,
Они пустотой своей смотрят в меня.
Надо везти, надо везти.
По изнанке дня
Скользит старая «нива».
Темнота, которая не допускает света, красива.
Темнота, которая милосердна,
Которая бедна словами,
Робкая, как подружка, просится тихо: можно с вами?

— Можно я рядом с вами?
Не хочется отвечать ей.
— Сигарету?
Чиркнула зажигалка.
Она обернулась к свету.

Я думал, что лица — это формулы, рождающие прогноз.
Что лица — это якори, цепляющие корабль души
к красоте мира.

Но лица — это потусторонний SOS,
Веянье пламени, адская сласть зефира
Фабрики Красного Октября...

Она: — Зря
Мы разбудили вас, следовало подождать до утра,
Очень сыро.
— Ничего, все так делают. Разницы нет.
Это лучше, чем, например, в обед.
В меня ничего не лезет потом,
Кроме кефира...

— Чего копаешься? Эй! Помоги с бинтом...

Тех, кто на заднем сидении, никогда не видно.
Это к лучшему. У них не осталось жалости,
А только жалость нас от животных
Ещё отличает, имеет цену.

— Кажется, всё. Погнали. Включай сирену.

Ты меня наполняешь, и синие волны
Проникают и рвут пузырьки альвеол.
Я утопленник, синими волнами полный.
Я утопленник, дивными рыбами полный.
И, как рыбу, меня водружают на стол.

Маслом шепчет сотейник,
Озорник и затейник.
Хищным скрипом поскрипывают ножи,
Буль! — побулькивает кофейник.
Жи-жи-жи.

В коридоре хозяйка, поправив передник,
Зажигает полночный сандал.
И садится на стульчик
Страшный мой собеседник:
— Что ты, рыба, в пучине видал?

Далеко под водою я видел стрекоз —
Как подобия ржавых торпед.
Сатана опускался в глубокий наркоз.
А счастливый влюблённый бродяжка Христос
Ел прославленных рыб на обед.
А ещё я видал, как разгневанный кит —
Суть беспамятство, суть естество —
Под водою прохладной на солнце рычит
И не слышит в ответ ничего.
Утолщение дня разрастается, жжёт,
Точно опухоль женскую грудь.

И танцует на воле большой теплоход,
Выжидая, чтоб глубже нырнуть.
И ныряет, теряя себя по пути,
Погружается в плотную взвесь.
О, какое мученье узнать, что на дне
Всё устроено так же, как здесь!
Караулит кухарка — полночная вошь,
Электрический род слепыша,
И однажды вонзает сияющий нож,
Околотки небес потроша.
И вокруг очарованный бродит эфир,
Гольй, влажный, синюшный, как свет,
У которого больше вместилища нет,
У которого имени нет.
Это даже не свет, это гимн шантажу,
Мышеловкой зажатая мышь.

— Ну, а хочешь, и я о себе расскажу?
Если слушаешь, если не спишь.

На даче

1

А к вечеру, когда отгнивший день,
Как зрелый плод, сорвётся с плодоножки
И упадёт на животы влюблённых,
Посеет в них последнюю печаль,
Мы под её развившуюся сень,
Как в темноту бегут сороконожки,
Вбежим. И не расслышим отдалённых
Громов и приглашения на чай.

Сойдутся гости. Будут говорить.
Зайдётся рёвом чайник. Оглядится
Хозяйка и уйдёт искать пропавших —
Под вишнями, в сарае, на лугу.
Её застанет дождь. И он продлится.

Он совпадёт с мучительной волной,
Как в поцелуе совпадают лица,
Как вечность совпадает с тишиной.

Ей было б лучше ничего не видеть
Среди потёкших ядом янтарей
В ближайшей роще. Вдрогнет и быстреей
Вернётся. И, доверившись обиде,
Заснёт внизу, не заперев дверей.

Пустот не трогай, обманись и жди,
Пока, разбужен влажным поцелуем,
Гостеприимный вечер не заснёт,
Дом не закроет глаз, не унесут
Столов на узкотелую веранду.
Когда войдёшь, увидишь: нелюдим,
Небесными потоками волнуем,
В углах играя лохмами тенёт,
Вершит замысловатый самосуд
Над парией — неверным квартирантом.
Закат плывёт окровавленным бантом,
Пересекая лесополосу.

Но, может быть, тебя ещё спасут,
По счастью, и гостям ещё не спится.
Волан летает, падает в костёр,
Заглохший, точно мёртвая лисица.
Уже огонь не освещает лица,
И тёплый пустотелый разговор:
Продлится:
— Что, не спишь? И нам не спится...

2

Уже прозрачная торопится листва
Сорваться в дальний край, куда уносят птицы
Подхваченные вдруг случайные слова.

Слова роятся здесь, рассеянные зря.
Над кратером двора дождь припустил — и замер.
Лопух глядит на нас багровыми глазами,
Царь палисадника и рыцарь пустыря.

Соседский дом — в нём девять этажей —
Грустит, как будто выгнанный взашей.
И без него тоскливый бал природы
Кружится между сосен и хвощей.
А где-то в октябре, не дав собрать вещей,
Полковница-зима забреет огороды.

А где-то в ноябре таинственный ледок
Охватит лужицы сиреневым браслетом...
И дачники сейчас, покинув городок,
Догуливают лето.

И дачники бегут на электричках
В сосновую пустую тишину,
Где утром их, пожертвованных сну,
Разбудит надоедливая птичка.

Сбежим. Не будем спать до убыванья дней.
За домом есть река. Что думаешь о ней?
Пиликает взволнованно пичуга.
Шныряют белки. Облако звенит.
И люди, точно в них железо и магнит,
Притягиваются друг к другу.

Растерянности цвет белейший, нет белей,
Туманом стелется на глубине полей,

И кровью праздничной рябины налились,
Звенит собачий лай. И гуси
Домашние в дорогу собрались.

Старое кресло

1

Начнём с того, что кресла поменяем.
Ноябрь бьётся в окна, невменяем,
Последний инвалид, вбредает в дом комар.
Ломает домофон обрिताя зима,
Прикуривает и томится:
Откроют дверь иль вторгнется сама
Хозяйкою, сошедшею с ума,
Хозяином, желающим напиться,

Незвано к нам, обугленным куском
Полена в эвритмическом камине.
Огонь хрипит, но пляшет с огоньком.
Зима пришла. В присядке комара —
Одна мораль: пришла его пора.
Развёртывает саван грубый синий
Бесчестный ветер, многоножек бог,
Струится, обещая умолчанья.
Оружие природы — тишина.
Она привыкла мыкаться одна
В поре расцвета либо одичанья.

Почти уже погиб сыпучий гобелен.
Уж рыцари исчезли до колен,
У дам изящных отняли собачек.
Бытописанья юной старины
На мебели поломанной смешны.
А нет ли в ней оставленных заначек?

Потерянных вещей меж ручкой и сиденьем?
С практическим весёлым рассуждением
Уж тлеют ручки, пламенеют ножки.
На ткани в уголке расположились кошки,
Во всю свою длину лежат, терзают нитки.
Часы едва идут — подобие улитки...
Таков счастливый взгляд, в котором нет сомненья:
Уничтоженье
Лучше
Оскверненья.

Лицо любви меж тем — сплошной багровый шрам,
Другим пересечённый... Пополам
Поделим ношу, мебельное бремя.
Опущен город в ледяной рассол.
Не так же ли Иосиф превзошёл
Чужую воду и чужое семя,
Что промолчал и улыбнулся ей.
И стал как чистый мальчик, дуралей.

Заклеив окна больше по привычке,
Прилёт. Подушек белые хребты
Сияли. А вчерашние цветы
Средь новой неизвестной немоты
Торчали, как обугленные спички.
И кто его за это укорит?
Всё мужество, возможное в мужчине,
Здесь по какой-то праздничной причине
Приобретает чрезмерный вид.

Но это так, для циников. Она ж
По женскому — читай — простосердечью
Внутри дитя ласкала человечье.

В нём времени задумчивый парад
Был превращён в ужасное иное —
В огонь огней с огонь величиною.

Иосиф ставил кресло у окна.
Смеялися весёлые собачки,
Их путались витые поводки.
Созревшая зима
Была подобна прачке:
Сияли рыцари, блестели пастушки.

Тщедушный анемон — пластмассовый светильник,
Рождественской звездой прикинувшись в углу,
Скрывает детский ад: трезвучие-будильник,
И как дары волхвов — с водою пиалу,
И тонкий шприц, и сумеречной ваты
Скрипучий снег, волнующийся ком
Лица, где пол-лица болезнью измяты,
Другие пол- читаются легко,
Без перевода, все слова подряд:

В огне кровосмесительном горят
Анахронизмы, истины, приметы —
Он перерос возможности планеты,
В нас участь наша стала тяжела.
Давай затеплим души и тела,
Сухие, одряхлевшие предметы,
Они дают достаточно тепла.

Тем, кто уходил от огня и возвращался к огню

Есть новые пустоты.
Дух этого маленького леса
Провожает нас к ним.
Звезда вытянула ложноножку,
Заросли папоротника волнуются, им щекотно.

Где-то здесь спряталась моя глубина,
В окно я видела её и представляла себе направленьё.
Но теперь, между этих коряг и травы,
Стихло даже давление сердца —
Звучит только страх:
Погружаясь в невидимый лес,
Чувствуешь себя как утопленник,
Которого ведёт за собой неуголимая сила воды.
Уходящий от костра неизбежно уходит под воду.
Не имеет значения,
Что нас четверо:
Каждый движется поодиночке в свои глубины.

В этом плавном движении есть логика окончания.
Фосфоресцирует луна на руке.
Когда мы успели так обнищать,
Чтобы поверить в расплату?
Чтобы каждый звук ночного леса
Отдавался внутри эхом восторга?

Хочу
В чистую серую пустоту
Погрузиться, в птичью голову
С помощью научного яда,
Услышать, как чешуйчатые братья
По венам темноты движутся в лесной подстилке.
Господь мой, я птица твоя,
Но клетка твоя тесна мне.
Так старое кресло, в котором
Проснулась я много лет назад,
Обнимало меня, стянув выцветшим пледом:
Девочка, ты ещё мала.
И баюкало пламя в своей пелёнке.

Но вот мы идём вчетвером:
И пробуем воду, лукавую тишину
Пробуем разглядеть, а темноту — услышать.
Люди как отсветы, ложноножки роскошной звезды,
Шевелятся внутри травы, глазами касаются
Чёрных стенок галактики —
Бескрайность имеет краешки,
А глубина, которая ничего не отрицает собою,
Имеет одну лишь глубину.

Потому между белых огней ветреницы,
Блуждающих по крохотной траектории,
И между чёрных древесных косм, свалявшихся в
Паклю, и между холмов, наполненных шёпотом зверей,
Скользит дух маленького леса.
*Он следовал за мной до сего дня.
А теперь я иду за ним.*

Красный лес

1

Ливень потной ладонью
Накрыл земляничную память.
Цветы обомлели.
Облепиха трясётся в ознобе:
Я весь маленький,
Маленький такой
Кустик!

На задних рядах, если смотреть в окно,
Выпивают коньяк.

Октябрь загрыз домишко, как курицу.
Окошко не чищено, курицын глаз.
Но видно: на задних рядах выпивают коньяк

Мужики: очкастый один, два других — с бородой
На двоих, кучерявой и пыльной.
Есть ещё в пиджаке дрыщ,
Есть ещё женщина (или её привиденье).

Октябрь облепиху кладёт в розоватую пасть.
Красный лес оживает и движется.
Видно ему в окошко: кто-то знакомый рот разевает
Пред зрительным залом.
Зрителей мало, верно, читают стихи,
Думает облепиха.

Октябрь разочарованно смотрит,
Дышит в стекло.
Боже, читают! — думает.
Здесь ещё что-то читают!
Зря, что ли, я развожу эти краски,
Для кого?
Зря, что ли, этот воздух освежаю
Небесной водой!.. Эти — сидят и читают!..

Кто-то знакомый тем временем злится в окне,
Закрывает свой рот,
Складывает листки — мол, не слушает, что ли, никто!
Смотрит в окошко с другой стороны. Двигается лес?
Или кажется, может, ему?
Нервной походкой присоединяется к пирующим...

2

Осень, как оборотень, убила
Листья, оставив раны рябин
Тлеть. И косточки раздробила.

То ли ты похоронен в ней
Ржавой куколкой, башней танка
Вавилонской — с неё видней.

То ли греческий золотой
Клад рассыпал какой-то дурень,
Объегоренный нищетой.

Старик

1

Там рыдающий оглушительно в октябре
Лиственный красный лес
Голову роняет в чёрные ладони...

Там бумага разбита, словно дорога,
Словом неосторожным.

Словом, не читай.

Потому что не знаю, кому адресовано чтение это.
Жаль, Гомер слеп, как курица,
Я бы послала ему.

Всё какие-то злые сказки.
Мхи маленькими чудовищами
Расползлись, пни и ветки похожи
На зелёные пальцы.
О настоящем нечего и рассказать,
Оно ежедневно сгорает
В жидком пламени вечера.
И к утру ты опять беден настолько,
Что не веришь
Даже предсмертным запискам
Самоубийц:
«Время кончилось, время с начала идёт».

Время кончилось — время с начала идёт.
Облысели осинки, берёзы облезли,

Лиловыми головами машут.
Ртом пустым развалился овраг.

А! Вот и Гомер! Узнаю старика —
Слеп, как младенец.
Ну ничего, подрастёт, прочитает,
Может, споёт как-нибудь,
На квартирнике
Или же на концерте.

2

Наш лоцман слеп, он чует глубину.
Она стремится к истинному дну,
Где всё — ничто и всякая волна
Сама и есть пустая глубина,
Где всякое волнение угасает.
И девушкой в чешуйчатом трико
Над бездной Провиденье повисает,
Лаская струнки рыбьих косяков.

На палубе стоят, сжимая пальцы,
Вошедшие в невидимом порту
Случайные попутчики, скитальцы.
Стоят пережидают темноту.
В углах морских на бедный берег сходят,
Где только камни чёрные торчат,
Шторма буянят, бури хороводят.
Ну что, старик, признал своих внучат?
В которых глубина как избавленье,
И падающего испуг
Озвучивает вечное деленье,
Распределяет звук.

Ты

1

Вдруг изогнулась в талии сосна.

О. Логош

Вдруг изогнулась в талии сосна,
Как женщина, проведшая без сна
В задумчивом беззвучном ожиданье
Навечно затянувшуюся ночь.
Она в своём нечаянном страданье,
Уродство прихотливое храня,
Среди пустых лесов влечёт меня —
Туда, где прочие деревья, как колонны,
Синхронно молятся на луч зелёный,
Масонской розочкой таращится луна,
А незапечатлённая мадонна
В сырую колыбель пускает семена.

Под утро бьётся в частное окно.
Ей кажется, что кто-то робко смотрит
И плавный взгляд не может отвести,
Желая тайну взгляда соблюсти,
В прозрачных чашах, воздух размывая,
Витает дух, украденный из рая.

Он воли не имеет, он — рыбак,
Накидывает сеть. Но всё же видно,
Как движется дыхание всего,
Как между веток вьётся божество,
Стремится мимо. И тебе обидно,

Что ты, большой дурак, из одного
Произошёл желанья материнства,
Из череды случайностей. В тебе
На жирной почве копоты и свинства
Растёт душа причудливей всего

И льнёт к сосне, как к злату скопидом.
Трава покрылась синеватым льдом,
В траве — жуки, пыльца, горошек чувства,
Сияющий безвредно на руке,
И ветер, ветер, вечно налегке,
Волнующий без всякого искусства.
До ночи здесь сияет красота,
А после возвышается томленьё,
Периною сиреневой пыхтит
И юбкою цыганскою летит.

Сводящая родителей с ума,
В иносказанья прыгнувшая тьма
Кружит над новорожденным. Он дышит,
Он говорит: «И это тоже я».
Он кое-что таинственное слышит.
Он — кое-что, он ливень серебристый
И прочее, бегущее вперёд,
Он так правдив, что, если и соврёт,
Навстречу рай разверзнется пречистый.
Скрываясь где-то в длительных уходах,
Такой же *ты*, без места, без жилья,
Изгиб сосны, усилие пешехода —
И это тоже
Я.

И это тоже я.

А. Нитченко

Где вы ещё видали
Такое животное лицо уныний?
Где вы видали такое белое-белое
Или такое чёрное-чёрное?
И маркер, который кровит на документах?
И штрих, который заштриховал уже всё в комнате?
И пыль, и пыль...

Мария, я прошу принести мне кофе.
Я уже час прошу.
Я начинаю нервничать.
Мария раздавлена тишиной. Мария снимает тело.
Мария полна пустоты.

— Ты?!
Заходящая чужая, отдельная, как невозможность,
Мария, ты
Забыла про осторожность.
Всё — делимо, ничто не соединимо,
За исключением имени и псевдонима.

Людей желательно употреблять наружно.
Мария снимает тело,
Оно ей не нужно.

Голубка белая его унесла.
Внизу прохожие
Качают головами:
Ну и дела!

Цветок в темноте

1

Иногда мне кажется:
Я соотношу Бога с моим отцом,
Которого никогда не знала.
Обожествление живого противоречит гармонии.

Цветок в темноте,
Он колышется на подоконнике,
Как судёнышко Рембо бесится в ночи,
Пленённое словом.

Происходят движения в комнате,
Пустой настолько,
Что даже наблюдать некому,
Как призраки карабкаются по стенкам,
Как весёлый ужас
Растягивается покрывальцем.

Мне нравится ужас —
Единственная стихия, не порабощенная нами,
В которой свободно
Рыбы кошмаров
Передвигаются в тишине.

Ужас — настоящая природа,
Ужас — возраст бога,
Единственное, что помнит меня
Такой, какая есть.

Погиб, погиб лирический герой.
Скорей пойдй на кладбище, отрой,
Помой, протри и приведи в порядок.
И высади весеннею порой
Посереди овоценокных грядок.

Гарантий нет. Но, кажется, ему
По нраву находиться в огороде
Среди других комических идей —
Морковки там, картофельных угодий,
Трудолюбивых ласковых людей.
А если ты, подружечка, гульлива,
Такой сорняк восходит без полива.

Репей, лиловый цвет, сугубый пустоцвет,
Головкой злой кивает:
Выращивайте ужас, он выйдет из земли
И вас проглотит.
И вместо вас пойдёт
С детьми в больницу,
На день рождения к подружке
И с мужем вашим ляжет почивать.
Скажите мне, он нужен вам на кой?!

Расти, расти, лирический герой.

Исчезновение

Алексею

1

Я рассказала вам историю моего холода.
И остался лишь один вопрос:

Где взять мужчину, одичавшего от одиночества,
И превратить его в мужчину, обезумевшего от любви?

Этот жестокий, бесчеловечный опыт присвоения
Мною получен из долгой, затерянной памяти,
От завоевателей Рима, а также от
Воинственных амазонок,
От златоглавых машин, собирающих драгоценности,
От системы знаков, созидающих божественность.

Его невозможно преодолеть
Ни в опытах смиренности,
Ни в обещаньях природы,
Которая порождает гору по утрам...

Природа,
Художник, который рисует что-то подробное:
Берёзовые карандашники и сосны с палец толщиной,
Что-то подобное
Я видела за стеной —
В ягодках полупрозрачных,
Везде царит.

Сиу-сиу, как красиу, —
Птица говорит.

«Научи меня войне, милый», — лучшее письмо о чувствах.
Оно воскрешает всех призраков,
Спавших не с мужчинами, а с их оружием.
Всякая война — золотая середина,
Если речь идёт о любви.

Мои счастливые кости будут звякать
В случайной могиле,
Куда ты опустишь их перед тем, как успокоишься рядом.
И у подножия вырастут
Рябина и клён
Или шиповник циннамомеа.
Или арбуз.

Всякое слово подобно Ничто,
Во всяком слове заключён Никто.
Страна одиночеств слагается из одиночеств,
Из имён, из отчеств.
Из того движения, которым
Мужчина срывает цветок.
Из того движения, которым
Женщина опрокидывается на восток,
Из образов,
В которых легко обмануться,
И звуков,
Которые не хотят столкнуться.

Чтобы нагота была безусловной, нужно сияние.
Нужна гора, чтобы высота возвышалась.
Нужны молчание и глубина,
Чтобы в себя заглянуть.
А там ничего не нужно.
А там ничего и нет.

Но всё же
О ком говорит гора,
Когда
Сходит с неё вода,
Наполняет желудки рек,
Измученных весенним голодом?
Гора говорит: это человек.

Гора говорит: это темнота Господа нашего,
Это пустыня, в которой пусто...
А что ей делать, если она — женщина?
Если у неё — чувства?

Гора в меня смотрит травой,
Смотрит в меня камнем,
Река — льдиною в ледоходе.
А я чувствую — всё вечно,
Но жизнь-то уходит.

А жизнь никуда не уходит одна,
Жизнь — одна никогда не ходит:
Она водит с собою луну на верёвочке,
Носит в кармане окошечка леденец.

Смотришь в окошечко на ситчик жизни —
И вроде конец, конец.
Но вот она платьишко переоденет —
И ничего вроде.
Ничего вроде.

2

Впускают ночь вечерние солисты:
Листва шуршит ночную дребедень,
Дитя развалины, кузнечик золотистый,
Стрекочущая тень,
Сверкает лапками, выуживая звуки
Из рек невидимых, как рыбу мужики,
И воют от усердия и скуки
Осенние волки.

Мысль неразборчива, усилье невесомо
И азбукою можно пренебречь,
Когда вокруг, древесна, насекомая,
Зашевелилась речь,
Когда она не ведаёт сомнений,
Сближаясь с ворожкой.
Она — к чему ей ты, нерасторопный гений? —
Полна сама собой...

Но сверху говорят небесные коровки:
Есть несколько спасительных часов,
Пока ещё видны татуировки
На мумиях лесов.
Есть несколько часов исчезновенья,
Когда ещё увидишь без огня,
Как по вершушкам бродит дуновенья
Восторженная болтовня,

Проста как жизнь, как счастье сумеречна,
Сегодняшним по горлышко полна...
Но видно — без тебя не так уж вечна,
Не так уж и длинна.

Больничное яблоко

поэма на разных языках

*

Мы пересекаемся где-то в области словаря...

Тело опыта говорит мне: зря
Мы обитаем где-то
В области словаря...
Мы с тобою как забытые буквы,
Как преданное изгнанию «ё»:
Ты тела уже не чувствуешь, но оно твоё,
Красное яблоко зноя,
Красное яблоко озноба.
Тело опыта говорит: лежите оба
И не двигайтесь, от греха,
Скоро воздухоловы запрут воздуха́.

Они обитают в мягких трубочках,
В бутылочках недолитых.
Точно как в теле опыта обитают
Прозрачные паразиты
Заблуждения —
Если тебе не хватает слов,
То приходит на помощь воздухолов.

Воздухолов отлавливает пузырьки,
Чтобы они не заблудились
В венах моей руки.

Воздухолов поправляет шапочку,
Она у него набекрень.
Воздухолов трудился и отлавливал пузырьки
Весь день.

И когда сам ты ещё не дышишь,
Когда дышать тебе не с руки,

Нужно, чтобы кто-то —
Слышишь? Слышишь? —
Чтобы кто-то отлавливал пузырьки.

Ясных глаз ворочая жемчугами,
Медсестра, подвижное оригами,
Безмятежно дышит поверх голов:
Рдеет яблоко чувственными боками.
Что там, что там, за облаками?!
Где он, где он, воздухолов?!

*

Опираясь на тумбочки,
Бродит привидение ветра,
Который был зарезан в этой больнице.
Женщина спит.
Она умеет спать, когда нужно,
Потому что она проводница.
Её голова покрыта ладонью.
Ладонь — ничья.
Тело, тело, мы с тобой заблудились
В области словаря.

И мы видим эту ладонь ничью,
Как видим за буквами на страницах
Нечто лишнее: голос, подаренный соловью,
Бугорок грибницы,
И всё окутано событиями ночными.
И самолёт мигает над ними.
И дымки, дымки...
И на полках нижних с подушками ледяными
Люди — как островки.

Спит с возлюбленным ветром царица бдений —
Проводница, похожая на дрофу,
В лучшем купе со множеством отделений,
С нежным позвякиванием в шкафу.

*

Человек не косточка, человек — хрящик.
Говорят, от страха можно сойти с ума.
Человек есть свет, говорящий,
Что он — тьма.

И она, эта женщина на третьей кровати
У окна, волнующаяся, как штора,
Видит: примеряет чужое платье
Этот, который...

Этот, которого не зовут,
Сам проступает на дне белья,
В сердце дверей, где живут-живут
По-сту-кива-ния.
В сердце золота — золотой,
В сердце дерева как есть пустой,
В сердце женщины — всадник блед,
Приезжающий к ней в обед,
Привозящий яблоки в дорогом «ниссане»,
Занырывающий на минутку
К доктору в кабинет...

Заблудившись в яблоке словаря,
С трубочкой в животе,
Каждая думает: зря, зря —
Но теряется в суете.

Потому что, смуглая,
В ночнушке до пят
Похожая на феллаха,
Слушается его.
А он велит:
Посоветуйся со своим страхом.
Этот, причудливый, как вода,
Вовсе не есть вода,
Вовсе не есть шумливая
Хлорированная вода.
Вовсе не есть дерево,
А только его личина.

И что же нам думать тогда?

Слово — и грех, и первопричина.
Смерть — не женщина, а мужчина,
Не ведающий стыда.

За шторую прячется чья-то тень
С войлочною рожей.
Ведь Бог и смерть, ведь Бог и смерть —
Примерно одно и то же.
А страх — всего лишь обмылок льда.
Спасительный сон буксует.
И вот она засыпает не без труда.
Но она его запомнила, она его запомнила —
И она его нарисует.

*

В больнице есть только сон,
Который сочится мёдом,
Лекарством и молоком.

В больнице есть только сон,
Слегка отдающий йодом
На берегу морском.

Бывают такие дни,
Когда молчи и прислушивайся
К неловким романнным пейзажам:
На берегу морском,
Где песчаные обрывы лимонны,
Где полусвет обманывает нас,
Как обманывает надежда легковерных.
Бывают такие дни,
Когда оспины коттеджей
Усиливают ощущения болезненности,
Лодки и дома одного цвета,
Обманчивая улыбка волны
Скрывает презрение к человеку,
Жёсткая трава нетерпелива,
Царапает ноги, режется,
Дьявол её науськал.
В этом мешке,
Где сверху небо,
А снизу берег,
Узко.

(Идёт человек.)

Человек есть свет говорящий,
Человек поёт, пока не сыграет в ящик,
Пока не сложится, как сумрачный мотылёк.
Зверь умолчания,
Зверь умолчания настоящий
Выйдет встречать его
На безветрии трёх дорог.

Где ветер,
Ясность ясности, лёгкость лёгкости?
Где друг мой ветер,
Который кипит во мгле?
Это трудность последняя —
Стоять в безветрии
Вроде бы на земле — но не на земле.

Больничные песенки

1

Вхолостую и зря, как восторг онаниста,
Осыпают стекло ледяные мониста,
Это первая нега мужающих выюг.
Отовсюду глядит с прямоюю чекиста
Фонаря вопросительный крюк.

Поутру, заходя в зоопарк сновидений,
Как в семейный бездонный альбом,
Поправляет очки растерянный гений
На бельмастом глазу голубом.

Он и сам-то не шибко сейчас понимает,
Что на улице бледной свистит:
То ли пуля какого бродягу сымает,
То ветер потерянный чей-то хромает,
То ли ангел какой-то летит,

Что там тихо шатается цветом брусничным
По палатам и по коридорам больничным,
Подводя безнадёжный итог?

Это зверь умолчания, смертная мука,
Заходящая к женщинам сонным без стука,
Наточившая свой коготок.
Наточившая свой коготок.
Наточившая свой коготок.

2

Сугробы тумбочек укрыли
Простые вещи: чашки, ложки,
Зубные щётки. Голоса,
Которые всегда бубнили,
Примеривались, бросить или
Ещё побегать с полчаса,

Заходят: девочка-конфета,
Серьёзный мальчик, длинный пёс,
И прочие причуды лета,
И прочие причины слёз
Для матери, лежащей смирно
В больничной койке на виду
У праздничной вселенной где-то
Туб-туби-ду-туб-туби-ду.

Щебечет радиолепёшка
На недокрашенной стене.
Туб-туби-ду, мужайся, крошка,
Живи и думай обо мне,

Смелей слагайся в предложенье
С кровавой трубочкой в боку.
Сули ей вечное рожденье,
Кукуй, кукушечка, ку-ку.

3

От весёлых берёз-вертопрашек
Надвигается лёгкая тень.
Над полянкой цветущих ромашек
Есть у Господа тёмный кармашек,
Где хранится одна дребедень.

Дребедень, дребедень, ерунда,
Облетевших годов череда,
Золотая, как ангельский дым.
Что имеем, того не храним.

А имеем ни много ни мало —
Я за жизнь на жарёху поймала.
Вместе с тушей облакослона
Серебристая рыба-луна
В сеть ночную случайно попала.

Вот и всё, что попало туда:
Облетевших годов череда,
Облаков вопросительных хвостик.
Зацепился в прихожей на гвоздик...

4

В больнице есть только окно,
Чья дружеская прозрачность,
Как зеркало, верность хранит
И подтверждает зрячесть.

Утром оно тебе
Как есть предъявляет солнце,
Как будто бы солнце — мяч,
Как будто солнце — не солнце.

А вечером вдруг луну
И звёзды изображает,
Как будто луна — не луна,
А сковородка чужая.

И тётка под фонарём,
Чья это и есть сковородка,
Скользит на сияющем льду —
И это, представьте, тётка!

5

Летали ветры, брови хмуря,
Кругом ошипывая сад.
И улица была как буря,
Произносящая: виват!

Ломая ворота и дверцы,
Во тьме проделывая лаз.
Ах, улица была как сердце,
Разбитое в последний раз!

Вальсируя, сошлись фигуры,
Как будто в позапрошлый век,
Но мастера акупунктуры
Их превратили в алый снег.

Постойте! Их не приглашали!..
Но, в общем, здесь простой расчёт,
Тысячелетия дышали:
Всех привечаем, кто придёт.

Фонарики в шинельках серых
И с шапочками наискось

Свой свет, как символ нашей эры,
С размаху вешали на гвоздь,

И темнотой, из моря пришлой,
Текла мерцающая речь.
Вошла река, но сразу вышла,
Ей в этих стенах негде течь.

А речь, подружка медицины,
Из опустевшего стекла
Достала и качает сына.
Такие, знаете, дела.

*

Может быть, мы перешли границу
последних времён и находимся в аду?

Тело яблока, белое, как мука,
Выпускает круглого червяка.
Тело опыта, круглое, как ядро,
Изображает загадочное зеро,
Нуль слепой, куда попадают сдуру.
Доктор пошёл на маленький криминал,
Принял деньги в свой боевой журнал,
В который обычно записывают
Температуру, —

Но клиенты не против,
Клиенты — всецело за.
Не отводят взгляда, смотрят во все глаза
На восхитительный ад:

В чёрном зеркале монитора
Отражаются инструменты,
Рёбра стерилизационного сундука,
Плавают, плавают ватные облака,
Чёрная штора и тот, кто за этой шторой.

Заплатить за такое зрелище —
Невероятный факт.
Заплатить за такое зрелище —
Невероятный фарс:

Словно пойти и купить на рынке
Маленькую послушную смерть.
И тем не менее
Хочется посмотреть...

Тем более
В договоре с
Господом-арендодателем нашим
Значится в списке обязанностей арендатора:

Долг человека —
Заботиться о своём механизме,
А в случае чего — цепляться за жизнь,
Вызывать его к жизни.
Любые подробности на эту тему —
У ангела-терапевта,
Он истолкует ваше тело
С пристрастием герменевта.
Но лучший доктор — природа,
Она незлобива, умна.
Годится для всякого сброда
Во всякие времена.

И я бываю занят:
Вызвали в главный корпус —
Значит, натура санат,
Медикус курат морбос¹.

Последняя подпись кровью.
За ухом скрипит сверчок.
Двигается к изголовью
Докторский колпачок.
Входит анестезиолог,
Повелитель сумрачных мест.
Я в курсе, что ад виртутем
Виа ардуа эст².

Знаю, импераре сибѣ
Максимум имперѣум эст³.
Но
Страх
Надкусывает,
Высасывает и ест.

Паупер убикве яцет⁴.
Теряются все слова,
Едва ко мне наклоняется
Собачья
Голова.

¹ *Natura sanat, medicus curat morbos.* — Природа исцеляет, врач лечит болезни (*лат.*). Приписывается Гиппократу.

² *Ad virtutem via ardua est.* — К мужеству дорога терниста (*лат.*).

³ *Imperare sibi maximum imperium est.* — Власть над собой есть наивысшая власть (*лат.*).

⁴ *Pauper ubique jacet.* — Бедный повержен везде (*лат.*).

Зверь умолчания с лампочкой на башке
Мечется, разъярённый, на пяточке,
На кончике, по резиновой колее жгута.
Тут, говорит, важны мучения каждого.
И — темнота...

Но что-то в самой темноте,
Где будущее становится прошлым,
Что-то в самой темноте
Кажется нехорошим.
Яблоко кажется вдруг знакомым:
Яблоко-колобок, яблоко-голова,
Яблоко, что принесли из дома.
Яблоко — человеческий старший брат.
Я, темнота и яблоко — триумвират.
Власть не выносит критики, власть проста —
Перетянуть кровотоки волной жгута,
Вырвать и выдавить всё, что видит и говорит,
У всего, что видит и говорит, —
Сумасшествие и плеврит.
Всё оно, живое, мешается у неё под ногами,
И она покрошит его в начинку и
Съест с пирогами,
С яблочным пирогом.
А кого не съест, тот налево-о,
Бего-о-ом...
Маячит в густом тумане фигура её с ножом...
Заходили глюки, дети наркоза,
Острый доктор, промышляющий грабежом.

*

Скоро воздухоловы запрут воздуха́
В днях, которые, в общем, одна труха,
В ультрамарине, в щупальцах фиолета.
День — это призрак, а вовсе не признак света.

Признак света — это растение на окне,
А также растенье, живущее в глубине.
А также всякое неизвестное существо
И хирургия, ищущая его.
А также всякое известное существо,
Пуще того —
И вода, праматерь моя, во время оно,
Посреди листвы, когда никого,
Прыгнувшая с октябрьского балкона.
Посреди листвы, когда никого,
Свет становится сумерками на дне каньона.
Свет становится зрячим, зрящим.
Когда призраки верят в нас,
Мы становимся настоящим —
Видимым, слышимым, настоящим,
Смертным в который раз.

*

Женщина состоит из горького вещества,
Будто во рту сгорела листва, листва,
Будто во рту у неё неосвещённый район,
Что-то об этом писал Франсуа Вийон.

Как темнота, заключённая в темноту,
Как пустота, заключённая в пустоту, —
Ею грешник последний почти прощён:
В женщине помещается Что-то Ещё,

То ли град золотой, то ли садик обетованный —
Дикая роза, осот, виноград, паслён...
Я посмотрела бы, как бы запел Вийон
Об искусственных женщинах,
Видом похожих на ванны,
Спящие в лабораториях
За бронёбойным стеклом, —
Дамы грядущего, сложный металлолом.

Чрево грядущего — пластик и пустячок.
Переверни зародыша на бочок,
Пусть он спокойно дремлет до дня рожденья
В плоской посудине, в брюхе оцепененья,
Пусть он, скитаясь в растворах,
Путешествуя налегке,
В тёплой воде отыскивая ответы,
Будет висеть на красненьком проводке.
Пусть он стрекочет, кузнечик, в долине Леты,
Славно текущей в кафельных берегах,
В тёмных лабораторных низинах,
Между башен
На костяных ногах.
В уличном свете башни бледнее мела,
Между ними — сияющий переход,
В мир по нему перевозят живое тело
С камерой для дыхания через рот.
Катится краешком, каёмочкою,
Приманкой
Общее, как история, как война,
Яблоко сердца сорта американка,
Яблоко — поле, яблоко — тишина.

Но и в ней для времени нету места —
Его заполняют собой по ряду причин
Свободные женщины,

Ненакрашенные,
Слегка
Похожие на мужчин.

Медленный женский возраст тоскует,
Но здесь, на железной каталке с полочками для рук,
Вечность играет, тихо во мне ликует,
Бог мой демонстрирует лучший трюк:
Всё бесстрашие замкнуто в малый ящик —
В смирном теле, в радужной полынье.
Кто из нас, изменчивых, настоящий?
Кто из нас, невидимых, бытие?

Лишь одна, неубрана, неодета,
С яблоком в золотистой её руке
Станет видима — здесь, в перемене света,
На живом младенческом языке.
Он ещё, как яблоко, цел и весит
Столько, что хватит с лишком на целый мир,
Где в плену избыточных равновесий
Ходит-бродит дедушка Казимир.
То окошко чёрное он закроет,
То откроет, безумный, его опять
В это утро, тёмное и сырое.
— Просыпайся, девочка,
Хватит спать...

Содержание

Двойные стихи

«Ничей не ученик, ничья не ученица...»	5
Появление	6
Флейта из берцовой кости	9
Дом	12
Ливень	16
Кто там?	19
Загадка	21
Лестница, освещаемая солнцем	23
Добродетель	25
Бог	27
Корабль мертвецов	30
На даче	35
Старое кресло	38
Красный лес	43
Старик	45
Ты	47
Цветок в темноте	50
Исчезновение	52
Больничное яблоко	59

Светлана Михеева. Яблоко-тишина

редактор: *А. Переверзин*

художник: *С. Труханов*

корректор, технический редактор: *О. Тузова*

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Отто Марсеуса ван Скрика «Утреннее сияние, жаба и насекомые».

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 25.12.2014.
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 4,75
Тираж 500 экз.



Светлана Михеева родилась и живёт в Иркутске. Окончила Литературный институт имени М. А. Горького. Автор книг стихов «Происхождение зеркала» (2009) и «Отблески на холме» (2014), книги прозы «Тётянка и слон. Маленькие правдивые повести» (2012). Стихи и проза публиковались в журналах «Дружба народов», «Волга», «Сибирские огни», «Юность», «Интерпоэзия», в «Литературной газете» и других изданиях. Руководит Иркутским региональным отделением Союза российских писателей.